

V. Политология

Андрей Макарычев

Германская политика на востоке Европы: дебаты о нормах и нормализации*

Введение

Настоящая статья написана как попытка продолжить дискуссию о политике Германии в Восточной Европе, начатую на страницах *Форума* Андреасом Умландом¹. Мой анализ и наблюдения основаны на более чем двухлетнем опыте исследования новейшей германской Ostpolitik (политика в отношении Восточной Европы) в качестве приглашенного профессора Института Восточной Европы Свободного университета Берлина в рамках проекта, поддержанного фондом Александра фон Гумбольдта. Работа в Берлине позволила мне увидеть изнутри многие особенности германских внешнеполитических дебатов, а общение с коллегами и участие в десятках профессиональных мероприятий в германских университетах и «мозговых центрах» дали возможность гораздо лучше понять логику развития восточной политики Германии.

Я начну статью с анализа того, как вопросы переосмысления истории, выразившиеся в дебатах о нормализации, повлияли на формирование ролевых идентичностей как Германии, так и России. Затем я перейду к обсуждению того, каким образом процессы, происходящие внутри Евросоюза, могут отразиться на политике Германии на восточном направлении. После этого я рассмотрю два примера германской политики в зоне общего соседства РФ и ЕС – в Украине и Балтийском регионе. В заключении я вновь вернусь к концепции нормализации и ее политическим эффектам для отношений между Москвой и Берлином.

* Настоящая статья написана на основе двух глав, ранее опубликованных автором в коллективной монографии *Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций* (Под ред. А.В. Девяткова и А.С. Макарычева. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2013). В статье также частично использованы рабочие записки, подготовленные автором в рамках конференций группы ПО-НАРС-Евразия. См.: <http://www.ponarseurasia.org/ru/policy-memos/2012>.

¹ Умланд А. Берлин, Киев, Москва и новые подводные газопроводы: немецкая геоэкономика в лабиринте российско-украинских отношений // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. Т. 9. № 2. С. 281-300.

Дебаты о нормализации и конструирование идентичностей

Проблемная ситуация, которая будет рассмотрена ниже, состоит в парадоксальном состоянии отношений между Германией и Россией. Несмотря на то, что ключевым компонентом выстраивания идентичности каждого из этих государств является идея «нормализации», итогом двух «нормализационных проектов» становится взаимное отчуждение и постоянные сбои в процессе двухсторонней коммуникации. Отношения между Москвой и Берлином достигли острой точки в конце 2012 года в связи с публично выраженным неудовлетворением немецкой стороной – в частности, одним из парламентских лидеров ХДС/ХСС Андреасом Шокенхоффом – форматом Петербургского диалога и резкой реакцией на это со стороны России².

Дебаты о нормализации в России и Германии имеют в качестве исходной точки серию связанных друг с другом событий 1989–1991 годов (от падения Берлинской стены и окончания «холодной войны» до распада СССР), которые, тем не менее, понимаются в обеих странах принципиально по-разному. Для Германии ключевым вопросом стало преодоление травмы раскола через воссоединение страны³, в то время как Кремль устами В. Путина оценил последовавший за этим распад Советского Союза как «величайшую геополитическую катастрофу 20 века». Иными словами, если Германия воссоздавала свою идентичность через сочетание собственного суверенитета и обязательств, вытекающих из участия в европейском интеграционном проекте, то политическая элита России, вместо использования исторического шанса на воссоздание национального государства, начала ностальгировать по советскому имперскому прошлому. Таким образом, если для германской идентичности основным конфликтом является противоречие между национальным и наднациональным, то для российской – между национальным и имперским.

Академический смысл дебатов о нормализации состоит в проблеме соотношения структур и агентов и сводится к вопросу о том, есть ли в структуре международных отношений устойчивые представления о «нормальных» государствах, и должны ли государства адаптироваться к этим нормам? Реалистические и либеральные концепции по-разному отвечают на этот вопрос, провоцируя тем самым различие и в политических оценках.

Дискуссии о «нормализации», ставшие одним из основных элементов формирования идентичности воссоединенной Германии, были опосредованы глубокой рефлексией немецкого общества над исторической травмой, нанесенной нацистским режимом, и ее последовательным преодолением. Эти дебаты выявили разные смысловые коннотации не только понятия «норма» применительно к сфере

² Посольство РФ в Германии. Pressemitteilung, 22.08.2012. <http://russische-botschaft.de/aktuelles/einzelansicht-news/eintrag/550.html>. Последнее посещение: 4 июля 2013 г.

³ Wittlinger R. German National Identity in the Twenty-First Century: A Different Republic After All? Basingstoke, 2010. P. 18.

международных отношений, но и ключевых внешнеполитических концептов – национальных интересов и силы. Именно различные трактовки «нормальности» и предопределили раскол политического сообщества Германии на сторонников национально-ориентированной внешней политики, опирающейся на экономические и, если потребуется, военные ресурсы, и их либеральных оппонентов, отстаивающих максимально полную интеграцию ФРГ в европейские структуры при выдвигании на передний план внешней политики ценностного компонента. Эти две политические линии весьма четко просматриваются при анализе современной восточной политики Германии, в том числе по отношению к России. Концепция гегемонии, понимаемая в традициях А. Грамши как лидерство на основе консенсуса, дает ключ к пониманию логики нынешней Ostpolitik и ее институциональных элементов, выражающихся в следовании принципам многосторонней дипломатии и использования потенциала «мягкой силы».

Реализм: «норма» и национальный интерес

Реалисты полагают, что изменения международных структур заставляют правительства уделять больше внимания собственным стратегическим интересам, включая использование различных видов силы. Модель «нормального» государства для них предполагает максимизацию дивидендов в рамках (или, если требуется, за рамками) международных институтов, а также идею самоуважения нации. В российских внешнеполитических кругах логика реалистов преобладает, а в германских является одной из двух (наряду с либерализмом) доминирующих парадигм, конкурирующих друг с другом.

Политические качества реалистического подхода к нормализации Германии состоят в проблематизации концепции национальных интересов⁴. В самом общем плане реалисты исходят из того, что поскольку большинство ведущих стран мира (Китай, США, Россия⁵) строят свою политику на традиционных принципах суверенитета, то по этому же пути должна идти и Германия. По их мнению, «нормальные великие державы» не нуждаются во внешнем контроле⁶. Исходя из этого, реалистическое понимание национальных интересов как ключевого компонента «нормальности» предполагает возможность и право выбора собственных приоритетов, то есть занятия определенной политической позиции в отношении других стран. Примером могут служить дебаты в германском экспертном сообществе относительно политики на Южном Кавказе, включая пересмотр прежнего некритического – и потому излишне оптимистического – отношения к

⁴ Müller J.-W. Preparing for the Political: German Intellectuals Confront the «Berlin Republic» // Political Thought and German Reunification / Ed. H. Williams, C. Wight, N. Kapferer. L. & N.Y., 2000. P. 204.

⁵ Meister S. Multipolare Rhetorik vs. unilaterale Ambitionen: Die Grenzen russischer Außenpolitik // DGAPanalyse. 2009. № 3. <https://dgap.org/de/article/getFullPDF/17761>. Последнее посещение: 4 июля 2013 г.

⁶ Maull H. Introduction // Germany's Uncertain Power: Foreign Policy of the Berlin Republic / Ed. H. Maull. Basingstoke, 2006. P. 3.

режиму М. Саакашвили, а также укрепление партнерских отношений между Берлином и Баку. Одновременно реалисты признают возможность конфликтов в процессе следования национальным интересам.

Внутри германского реализма есть одно существенное противоречие. С одной стороны, реалисты выступают за полноценное участие Германии в совместном поддержании безопасности с партнерами по НАТО и ЕС, включая миротворческие миссии за пределами ЕС. По мнению реалистов, отказ Германии от силовых операций подрывает международную репутацию и доверие к ней со стороны ключевых союзников и лишает Германию важного источника влияния в мире⁷. С другой стороны, некоторые реалисты говорят о несводимости национальных интересов Германии к ее обязательствам как в рамках европейского наднационального проекта (ЕС), так и транс-атлантической системы безопасности (НАТО). Они признают потенциальную возможность того, что внешняя политика Германии не будет полностью совпадать с внешнеполитическими приоритетами США или, например, Франции. Такие разногласия являются не признаками расколов Запада, а элементами «новой нормальности»⁸.

Для Германии реалистический сценарий предполагает несколько конкретных моделей осуществления внешней политики:

(а) консолидация (про)германской Европы, балансирующей глобальное влияние США. Подтверждением осуществимости такой модели может служить критическая позиция, занятая Германией в отношении операции США и их союзников в Ираке, а также при обсуждении вопроса в ООН о возможности внешнего вмешательства в Ливии.

(б) формирование «германской» и «французской» Европы. Контуров такого сценария просматриваются в формировании партнерской оси Берлин – Варшава (к которой немецкая дипломатия не прочь была бы добавить и Москву), посредством которой Германия фактически влияет на проект Восточного партнерства и имеет возможность развивать современную Ostpolitik.

В то же время в Германии достаточно большим влиянием пользуется так называемый «рыночный реализм», который одинаково критически относится и к либеральным концепциям Европы как «гражданской силы» (Zivilmacht), и к излишней политизации национальных интересов Германии. Для «рыночных реалистов» Германия должна стремиться играть роль «экономической силы» (Wirtschaftsmacht) и «торгового государства» (Handelsstaat⁹), исповедующей «рыночный национализм»¹⁰.

⁷ Winkler H.A. Politics Without a Project: Thoughts on Germany, Libya, and Europe // IP Global Edition. 2011. № 5. P. 31.

⁸ Stelzenmüller C. Die Schwäche des Westens ...und wie man sie beheben könnte // Internationale Politik. 2012. № 3. P. 105.

⁹ Maull H. Außenpolitische Entscheidungsprozesse in Krisenzeiten // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2012. № 10. P. 39.

¹⁰ Guerot U. Eine deutsche Versuchung: Östliche Horizonte? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2012. № 10. P. 13.

В России же, где реалистическая парадигма, как мы отметили выше, является доминирующей, перспективы превращения в «нормальную великую державу» базируются на таких компонентах, как:

(а) Снижение роли (но не устранение) идеологических аргументов во внешней политике. Россия старается играть роль прагматического актора, призывая своих партнеров ставить материальные интересы выше нормативных принципов. Но при этом она отказывается признать, что межгосударственные отношения, основанные на «голом» интересе, могут быть куда более конфликтными, чем отношения, опосредованные нормативными факторами.

(б) Трансформация российских внешнеполитических приоритетов от попыток имперского доминирования к реализации геоэкономических проектов. Одним из их воплощений, например, является модель экономической (но не политической) интеграции в рамках Евразийского Союза.

(в) «Суверенное равенство» и «уважение» – понятия, которые парадоксальным образом очень напоминают ключевые компоненты пост-колониальной риторики. Этими терминами обычно пользуются страны бывшего «третьего мира», борющиеся за более высокий международный статус.

В рамках реалистической парадигмы спектр модельных вариантов структуры международных отношений, вызывающих симпатии у руководства России, выглядит следующим образом:

(а) Многополярность, идея которой лежит в основе внешнеполитической философии России. Позаимствовав эту модель из реалполитического лексикона, российская дипломатия, тем не менее, проигнорировала предупреждения реалистов о ее высокой конфликтности и неустойчивости, наполнив многополярность ярко выраженным оптимистическим содержанием.

(б) Зоны влияния, смысл которых описывается самой формулой «ближнего зарубежья» как геополитической сферы привилегированных интересов России, не признаваемой, однако, в Европе.

(в) Новый «концерт великих держав» (great power management). Реализация этой модели, с точки зрения Кремля, может служить практическим подтверждением признания Западом России в ее нынешнем качестве и отказ от попыток ее демократизации посредством влияния на внутренние процессы. Однако серия отказов, полученных Россией от стран Запада в ответ на прямые либо косвенные предложения решать вопросы мировой политики в рамках данной модели, показывает не столько «аллергию» Европы на ее олигархическую составляющую, сколько нежелание признать Россию равным субъектом мировой политики, причем не по геополитическим, а по нормативным основаниям, важность которых явно недоучитывается Кремлем.

Либеральные подходы

Если ключевыми терминами «нормализационного» лексикона германских реалистов являются «национальные интересы» и «прагматизм», то в центре либераль-

ного вокабулярия находятся «ответственность», «сдержанность» и «доверие». Либералы оспаривают саму возможность «нормализации» таких реалистических концептов, как «баланс сил», «игра с нулевой суммой» и «дарвинистская конкуренция за выживание»¹¹ (борьба всех против всех).

С точки зрения либеральных экспертов, Германия – это, образно говоря, «укрощенное государство» (tamed power), идентичность которого глубоко укоренена в общеевропейском проекте чувством ответственности как за прошлые трагедии, так и за взятые на себя обязательства¹². Соответственно, никакие структурные перемены в международных отношениях не заставят Германию отказаться от уже приобретенной идентичности, глубоко вобравшей в себя пост-национальные ценности, смысл которых состоит в постепенном преодолении национального эгоизма и узко понимаемых национальных интересов¹³. С точки зрения либералов, пост-национальные качества германской внешней политики определяются укорененностью Германии в европейском политическом сообществе, отказом от *Machtpolitik* (политики силы) и следованием нормативным принципам, включая гуманитарные императивы, которые могут входить в противоречие, например, с интересами германского бизнеса¹⁴. По словам немецкого эксперта, «предприниматели тоже должны уметь говорить нет»¹⁵, то есть отказываться от проектов, легитимирующих диктаторские режимы и идущих вразрез с нормативными основаниями Европы¹⁶.

Именно в рамках либеральной парадигмы получило широкое распространение альтернативное реализму представление об оптимальной модели внешней политики Германии, связанное с идеей нормативности. Нормативные подходы предполагают:

(а) Приоритет, отдаваемый правам человека и демократическим свободам – по крайней мере в отношении тех партнеров Германии, которые так или иначе отождествляют себя с Европой. В этом смысле, с точки зрения либералов, между Россией и, например, Китаем существует большая разница, поскольку государства, входящие в Совет Европы или Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, принимают на себя вполне определенные нормативные обязательства. Либералы прекрасно понимают, что контроль над реализацией этих обязательств является чрезвычайно сложным делом и часто не дает ожидаемых ре-

¹¹ Speck U. Pfeiler der Freiheit: Wie Deutschlands weltpolitische Mission aussehen könnte // *Internationale Politik*. 2012. № 3. P. 28.

¹² Müller-Brandeck-Bocquet G. Deutschland – Europas einzige Führungsmacht? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2012. № 10. P. 16-17.

¹³ Forsberg T. The Debate Over Germany's Normality: A Normal German Debate? // *Political Thought and German Reunification*. P. 139.

¹⁴ Sandschneider E. Deutsche Außenpolitik: Eine Gestaltungsmacht in der Kontinuitätsfalle // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2012. № 10. P. 3-8.

¹⁵ Böckenförde M., Leininger J. Prozesse fördern, nicht nur Produkte fordern: Demokratie und Menschenrechte in der deutschen Außenpolitik // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2012. № 10. P. 43.

¹⁶ Dempsey J. Einsatz für Europas Werte – Demokratie und Menschenrechte: Berlins Führung wird dringend gebraucht // *Internationale Politik*. 2012. № 3. P. 34.

зультатов, но это, однако, не должно служить поводом для отказа от нормативных принципов как таковых.

(б) Возможность передачи части суверенных полномочий на наднациональный уровень. Для либералов преодоление национализма интеграцией является хорошим противоядием от политики односторонних действий, которая содержит в себе зерна конфликтов и противоречит самой идеи европейского единства на основе общей идентичности.

(в) Поскольку основной вектор внешней политики Германии либералы видят в транс-национальной интеграции, в наиболее радикальном варианте эта модель может привести к тому, что у Германии не должно быть собственных, узких (национальных) интересов¹⁷, которые могли бы продвигаться за счет других государств.

Нормативная внешняя политика, несмотря на свою этическую привлекательность, оставляет нерешенными ряд практических вопросов, которые являются предметом дебатов между либералами и реалистами:

(а) Какова эффективность санкций против недемократических режимов в Украине и Беларуси? Многие эксперты реалистического профиля полагают, что, например, излишняя чувствительность правительства Германии к делу Юлии Тимошенко привела к параличу в германо-украинских (и в более широком плане – европейско-украинских) отношениях, равно как политический бойкот Евро-2012 в Украине не оказал ожидавшегося воздействия на режим Виктора Януковича.

(б) Можно ли при помощи нормативной повестки дня преодолеть противоречия между германскими интересами и политикой России в зоне общего соседства РФ и ЕС (особенно в таких сферах, как замороженные конфликты и энергетика)? Многие «реалисты» утверждают, что взаимодействуя с Россией, Германия должна исходить из приоритета не ценностей, а прагматично понимаемых интересов, в основном связанных с крупным германским бизнесом.

Один из парадоксов дебатов о нормализации в Германии состоит в том, что те немецкие эксперты, которые выступают за снижение уровня германо-российских отношений по причине неэффективности диалога с режимом В. Путина, одновременно могут лоббировать полномасштабное возобновление отношений с Украиной и подписание Соглашения об ассоциации. Это противоречие демонстрирует, что на практике нормативные и прагматические аргументы очень сложно строго отделить друг от друга – и те, и другие используются германскими политиками, дипломатами и экспертами для оказания воздействия на процессы трансформации режимов в соседних странах, представляющих интерес для Германии.

Таким образом, в международных отношениях норма – это политически «воображаемое» понятие, конструируемое дискурсами, которые могут исходить из

¹⁷ Kundani H. Was für ein Hegemon? Berlins Politik führt zu keinem deutschen, sondern einem chaotischen Europa // Internationale Politik. 2012. № 3. P. 25.

различных идеологических предпосылок. Концепция нормы находится в центре полемики между реалполитическими и либеральными подходами. Соответственно, любое обращение к понятию «норма» содержит в себе мощный манипулятивный потенциал, который используется для формирования той или иной внешнеполитической стратегии, легитимизируемой самим фактом отсылки к неким нормативным основаниям.

Как дебаты о нормализации внутри Германии, так и доминирующие представления о «нормальной» внешней политике внутри российского политического класса показывают сохраняющуюся устойчивость и притягательность концептов эпохи модерна с их акцентами на суверенных качествах государственной власти. Даже в рамках европейского проекта весьма сильные позиции занимают сторонники такого понимания «нормальности», которое базируется на национально ориентированной внешней политике.

Несмотря на различие позиций внутри Германии, между оппонентами возможен компромисс, и базироваться он может на идее «кооперативной гегемонии», понимаемой в категориях Антонио Грамши как структурный феномен, в отличие от одностороннего и силового доминирования¹⁸. И либералы, и реалисты согласны друг с другом в том, что ключевые партнеры Германии (в силу как общих ценностей, так и поддерживающих их институтов) находятся на Западе. Это приносит Германии существенные дивиденды, но при этом предполагает солидарность при проведении силовых операций, требующих применения военной силы¹⁹. С этой точки зрения, гегемония – это не навязывание своей позиции, а лидерство на основе многосторонней дипломатии, «мягкой силы» и широкого представления о безопасности (включая такие ее компоненты, как «ответственность по защите» и человеческая безопасность²⁰). Успешность применения этих инструментов напрямую зависит от возможности создания общего коммуникационного пространства с участием ведущих стран ЕС и их партнеров. Именно в этой сфере позиции Германии представляются весьма сильными, с учетом последовательной политики Берлина по привлечению восточных соседей к многосторонним дипломатическим проектам (например, германо-польско-российский «триалог») и высокой активности германских фондов по формированию общего коммуникационного пространства для реализации Ostpolitik.

¹⁸ Asselborn J., Sikorski R. «Führen heißt nicht dominieren»: Wie Deutschland seinen Part in Europa spielen sollte // Internationale Politik. 2012. № 3. P. 8-13.

¹⁹ Klose H.-U., Polenz R. Forgetting Values and Forsaking Partners: Berlin Seems at Risk of Forgetting that Its Partners Are in the West // IP Global Edition. 2011. № 5. P. 45.

²⁰ Kaim M. Interventionsoptionen: Käme es zu einem militärischen Eingreifen, stünde Deutschland in der Pflicht // Internationale Politik. 2012. № 3. P. 77.

Германия и политические трансформации внутри ЕС

В дальнейшем анализе я обращусь к событиям внутри Европейского Союза (ЕС), которые оказывают серьезное влияние на его восточно-европейских соседей, включая Россию. Кризис еврозоны имеет политические последствия для будущего ЕС и его политики соседства, а также спровоцирует новые тенденции в Ostpolitik и их воздействие на пост-советские страны. Ключевыми вопросами, которые будут иметь определяющее влияние на политику РФ в отношении ЕС, станут следующие: трансформируется ли Евросоюз в более наднациональное и централизованное или, наоборот, в более рыхлое и регионализированное политическое сообщество, укрепятся в результате этого или ослабнут трансатлантические связи, и станет ли ЕС более нормативным (ценностно-ориентированным) или прагматическим партнером на международной арене.

Еврокризис, Германия и Россия

Последние события внутри ЕС характеризуются растущей политизацией дебатов о будущем Европы, которые включают в себя самые разнообразные сценарии как для стран Евросоюза, так и для их соседей. ЕС уже встретился с пределами преимущественно технократического подхода к экономике и финансам, и находится в поиске новых политических возможностей. Основные компоненты международной идентичности ЕС (многосторонняя дипломатия и предпочтение наднациональным институтам вместо политики баланса сил и сфер влияния) находятся под некоторым сомнением, и сама способность ЕС играть излюбленную роль «нормативной силы» сегодня менее очевидна, чем ранее. При этом лозунг «больше Европы», несмотря на свою привлекательность, истолковывается по-разному – как желание избежать силовой политики, как признание снижающейся роли суверенитета национальных государств, или как необходимость передачи большей власти наднациональным институтам.

Вероятно, в этих условиях наиболее адекватной метафорой, описывающей модель будущего Старого Света, является «Европа Олимпийских колец». Она предполагает меньше полномочий для Брюсселя и больше оперативного пространства для различного рода региональных группировок внутри ЕС. Два из этих «колец», скорее всего, будут играть ведущие роли – германское и французское. Но есть и другие региональные «кольца» – например, Вышеградская группа (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия), активно продвигающая в Восточной Европе и Западных Балканах опыт интеграции в Евросоюз пост-социалистических стран. Вышеградская четверка разделяет принцип «Европы разных скоростей» и видит себя важным элементом «региональных геометрий», наряду с Северной Европой, Балтийским и Черноморским регионами, Дунайским проектом регионального развития и т.д. Исходя из возможности трансформации ЕС под воздействием долгового кризиса, эти региональные кластеры в будущем вполне смогут

повысить свою роль как внутри Евросоюза, так и в его отношениях с соседями. Открытым, однако, остается вопрос о том, будет ли Вышеградская группа находиться на стороне Германии и способствовать реализации лозунга «больше Европы» (то есть укреплять интеграцию), как этого добивается Польша, или же она будет стараться играть более самостоятельную роль.

Описанная выше ситуация оказывает сложное и многомерное воздействие на Россию. Европейский Союз уже не является для РФ в той степени, в какой это было раньше, примером удачного интеграционного объединения, в силу чего Москва будет делать еще больший акцент на двухсторонние отношения с ключевыми странами Европы. В то же время Москва понимает, что долговой кризис в зоне евро не соответствует ее стратегическим интересам, и она едва ли сможет получить для себя какие-то преимущества от его последствий, в том числе в Восточной Европе.

Россия, безусловно, отдает предпочтение такой модели внешней политики, которая базируется не на нормативных принципах, а на экономических интересах, однако это вряд ли усиливает ее позиции в зоне общего российско-европейского соседства. Отношения с Украиной далеки от идеальных – несмотря на пророссийскую риторику, В. Янукович не готов играть по российским правилам и по-прежнему оставляет возможность для западных компаний работать на энергетическом рынке страны. Кроме того, в Киеве раздаются голоса тех, кто считает, что Москва недостаточно оценила вклад Украины в обеспечение российской безопасности (имеется в виду согласие на продление аренды военно-морской базы в Севастополе) и не выполнила своих обещаний по снижению цен на газ. Аналогичные сложности существуют у России и с Казахстаном, активно сотрудничающим с западными энергетическими компаниями, и с Молдовой, продолжающей сближение с ЕС.

На этом фоне принципиально большое значение имеет то, что Германия, крупнейшая экономическая держава ЕС, не теряет интереса к регионам, которые Россия считает своим «ближним зарубежьем». Из этого следует, что России неизбежно придется находить общие точки соприкосновения с восточной политикой Германии. Сделать это будет очень непросто, исходя из того, что многие эксперты характеризуют нынешнее состояние отношений между Москвой и Берлином как напряженное (вплоть до таких метафор, как «холодный мир»). Конечно, Германия готова максимально принимать во внимание российские интересы, однако она никогда не согласится с претензиями России на монополию и на право вето в отношении ее ближайших соседей.

Ни военная сила, ни экономическое преобладание не дают России автоматического влияния и не усиливают ее «мягкую силу». Заинтересованность России в улучшении отношений с Польшей показывает, что страны Центральной Европы нужны Москве как партнеры. Но для эффективного партнерства Россия должна отказаться от упрощенных подходов к своим соседям, и начать строить свою внешнюю политику на понимании более многомерной картины Европы, в кото-

рой разграничения между «новыми» и «старыми» – равно как между «настоящими» и «ненастоящими» – европейцами являются устаревшими. Восточная и Центральная Европа представляют собой огромный конгломерат транснациональных идентичностей и пространств, которые противятся политическим иерархиям и открыты модели «Европы регионов», в которой место России пока видится очень неопределенно.

Линии расхождений

Сегодняшние германские внешнеполитические дебаты касаются нескольких ключевых вопросов. Во-первых, большинство немецких экспертов и политиков полагает, что в 21 веке сила государства определяется не столько его военной мощью, сколько комбинацией экономических ресурсов, технологических инноваций и «мягкой силы». Во-вторых, для немцев Европа – это демократический проект, своего рода «Европейская Республика», интегрирующая в себя транснациональные гражданские сообщества и демонстрирующая чувствительность к вопросам демократии и прав человека. В-третьих, Германия добивается усиления наднациональной интеграции с тем, чтобы ослабить монополию государств в финансовых и бюджетных вопросах.

По всем трём вопросам позиции России кардинально отличаются от германских. Москва продолжает верить, что её сила в мире базируется на добывающей промышленности и военном арсенале. Она продолжает придерживаться такого взгляда на мир, в центре которого находятся государства. И она сохраняет скептическое отношение к нормативным вопросам, отодвигая на задний план вопросы демократии как внутри страны, так и на международной арене.

Даже когда международные позиции России и Германии с формальной точки зрения совпадают, их логики сильно отличаются друг от друга. Оба государства согласны в необходимости модернизации России, однако смыслы, придаваемые модернизационной повестке дня, серьёзно разнятся. В правящих кругах России преобладает смесь пост-политического и авторитарного подходов к модернизации, что создаёт смысловой разрыв с сильными акцентами на социально-политические реформы, которые являются ключевыми для Германии. Германские дебаты о модернизации в России поднимают наиболее сложные для Кремля вопросы, касающиеся коррупции как неустраняемого элемента отношений власти, хронической неэффективности государственных институтов, а также дефицита коммуникации между властью и гражданским обществом.

Другой убедительный пример политических разногласий между Москвой и Берлином – это Ливия. В обеих странах многие политики и эксперты сожалеют по поводу того, что их правительства в 2011 году воздержались при голосовании в Совете Безопасности по резолюции, открывшей путь для военной интервенции против режима М. Каддафи, однако причины такой реакции в обоих случаях совершенно разные. В России критика позиции, занятой в отношении Ливии, в ос-

новном касалась материальных потерь, которые понесла РФ в результате смены режима, что и предопределило совершенно иную линию российской дипломатии по блокированию гуманитарного вмешательства в Сирии. В Германии же дебаты касались возможностей более глубокой интеграции этой страны в евро-атлантические структуры и поиска оптимального баланса между «жесткой» и «мягкой» формами силы (в частности, один германский эксперт с сожалением назвал Германию «гражданской державой без гражданского мужества»). Оба государства полагают, что они были не готовы к эффективной реакции на ливийский конфликт. Однако Россия больше озабочена возможностями проведения собственной политической линии вне контекста западной стратегии, в то время как в Германии наиболее обсуждаемой проблемой является её отход от действий в рамках общей коалиции партнёров по транс-атлантической безопасности.

Для германо-российских отношений большое значение имеет стремление Берлина выполнять лидирующие функции в рамках коалиций европейских стран, что находит институциональное подтверждение в «Веймарском треугольнике» (Германия – Франция – Польша) и в приоритетном характере оси Берлин – Варшава. Эти форматы соответствуют одному из принципов внешней политики Германии – «больше Европы». Исходя из смягчения польской политики в отношении России после формирования правительства Дональда Туска, роль Варшавы в восточной политике Германии увеличилась. Однако роль самой России при этом остаётся неопределённой: она может быть как инкорпорированной в новые форматы «политической геометрии» («треугольник» Германия – Польша – РФ), так и остаться за бортом европейской политики (добро)соседства.

На этом фоне третий срок президентства В. Путина стал серьёзным вызовом для германской дипломатии, которая до сентября 2011 года имплицитно делала ставку на продолжение политического диалога с Д. Медведевым. Конечно, германская элита прекрасно понимает степень зависимости экономики своей страны от поставок энергоресурсов из России. Однако германский дискурс, начиная с осени 2011 года, стал гораздо более скептическим в отношении России, роль которой в качестве стратегического партнёра Германии оценивается все более критически. Ещё будучи премьер-министром, В. Путин летом 2011 года получил предупредительный сигнал из Германии в виде инцидента с отзывом премии Квадрига, которой он был первоначально удостоен, но потом лишился под воздействием острых протестов со стороны германских и европейских политиков и экспертов. Также весьма характерным было заявление министра иностранных дел Германии Гидо Вестервелле, сделанное сразу после мартовских президентских выборов 2012 г.: «Мы надеемся, что сейчас, после избирательной кампании и с более ясным взглядом в будущее, Россия поймёт, что она находится на неправильной стороне истории». Эта жесткая фраза в узком смысле касалась позиции России по сирийскому вопросу, но в более широком плане может быть спроецирована на другие сферы внешней политики РФ. Назначение в 2012 году Дмитрия Рогозина, с его весьма противоречивой репутацией в Европе, на должность пред-

ставителя президента России в Приднестровье, свидетельствует о том, что Кремль привержен старым подходам к региональным конфликтам.

Германское экспертное сообщество всё более активно призывает официальный Берлин к более глубокому вовлечению в выстраивание отношений со странами Восточного Партнёрства, даже если это приведёт к трениям с Москвой. Германия едва ли признаёт легитимными претензии России на монопольное лидерство в постсоветских странах и будет, вероятнее всего, искать новые возможности для многосторонней дипломатии в зоне общего соседства. В практическом плане из этого следует, что России следует делать акцент не на разделе сфер влияния (эта геополитическая концепция сегодня трудно реализуема в связи с усложнившейся «тканью» международного общества 21 века по сравнению с «золотым веком» политического реализма), а на поиске более гибких форм взаимодействия с ведущими европейскими партнёрами в регионе общих интересов.

Неуклонная и неизбежная дифференциация среди стран общего российско-европейского соседства делает бессмысленными попытки выработки институциональных решений, которые охватывали бы все страны этого обширного региона (или даже большинство из них). По сути, ни Россия, ни Германия не имеют в своих внешнеполитических арсеналах ответов на процессы регионализации в зоне общего соседства РФ и ЕС. Тем не менее, активность Германии в некоторых вопросах российско-европейских отношений в соседних регионах дала свои плоды.

Во-первых, есть относительно удачный опыт российско-германского энергетического сотрудничества в рамках проекта «Северный поток». Во-вторых, некоторые позитивные сдвиги в отношениях России со своими соседями – особенно политическое сближение с Польшей, давшее эффект в виде заключения соглашения о безвизовом обмене для жителей приграничных территорий с обеих сторон – были достигнуты благодаря посредническим усилиям германской дипломатии, что заложило основу для формирования отношений в рамках «треугольника» Германия – Польша – Россия. Некоторые российские дипломаты даже выразили осторожный интерес к программам, развиваемым в рамках Восточного Партнёрства, что является шагом вперёд по сравнению с изначальной настороженностью, если не враждебностью, проявляемой Москвой к этой инициативе ЕС.

Принимая во внимание чувствительность Германии к вопросам безопасности, связанным с предстоящим завершением военной миссии НАТО в Афганистане, можно предположить, что согласие России предоставить некоторые элементы своей транспортной и логистической инфраструктуры – особенно аэродрома под Ульяновском – для переброски грузов стран-участниц коалиции позитивно скажется на общем климате российско-европейских отношений. Возможно, этот шаг станет одним из подтверждений реалистичности идей, развиваемых в рамках Евро-атлантической инициативы по безопасности, курируемой Вольфгангом Ишингером, Сэмом Нанном и Игорем Ивановым.

Таким образом, существуют «окна возможностей» для формирования общих институциональных инструментов и взаимных обязательств, которые связывали бы Россию с ведущими странами Европы. Возникающие в результате этого зоны общей активности и интересов, конечно же, содержат в себе элементы как взаимодействия, так и конкуренции. Но многие возможности поиска новых решений в зоне общего соседства открыты, и связаны они с такими процессами, как вероятное ослабление визовых ограничений, сохраняющийся уровень трансграничного взаимодействия на межрегиональном уровне, а также вступление России в ВТО.

После парламентских (2011 г.) и президентских (2012 г.) выборов в РФ германская дипломатия предпочла взять некоторую паузу в отношениях с Россией. С одной стороны, прежний энтузиазм в отношении перспектив модернизации в РФ иссяк, уступив место новой волне сомнений относительно легитимности и эффективности путинского режима. С другой стороны, массовые движения протеста, захлестнувшие Россию после декабря 2011 года, а также широкое распространение технологий сетевой коммуникации показали, что в России есть спрос на прозрачность и подотчётность власти, права человека и другие демократические нормы, активно поддерживаемые Европой. Это отнюдь не означает, что российское правительство будет более отзывчивым в отношении Европы, однако возможности позитивного, хоть и ограниченного, взаимодействия отнюдь не исчерпаны. В рамках Партнёрства для модернизации Россия фактически признала не только свою ориентацию на европейские управленческие стандарты, но и принцип обусловленности, практикуемый ЕС в отношениях с соседями. Открыв свою территорию для грузов НАТО, Россия проявила интерес к коммерческим аргументам в сфере общей безопасности. Реализовав проект безвизового режима для жителей приграничных территорий в Калининграде, Россия отказалась от своих прошлых страхов о якобы негативных последствиях особых условий для жителей этого анклава по сравнению с другими регионами федерации.

Несмотря на острые внутриевропейские разногласия, Германия сохранит свой интерес к – и присутствие в – зоне общего российско-европейского соседства. Особенно это касается Украины, Молдовы, Грузии, Азербайджана и Казахстана. Наряду с неизбежной конкуренцией с Россией и попытками сбалансировать её влияние, восточная политика Германии открывает новые шансы для взаимодействия с Россией. Даже если эти возможности являются непреднамеренными эффектами политики Германии или России, их нужно должным образом уметь идентифицировать и научиться использовать во благо «большой Европы».

Сказанное выше приводит к нескольким выводам. Во-первых, концепция Европы вновь стала предметом политических дискуссий, как внутри ЕС, так и за его пределами. В Евросоюзе нормативный подход – опирающийся на общеевропейскую солидарность и нацеливающийся на общую внешнюю политику, основанную на европейских ценностях – оспаривается сторонниками индивидуальной финансовой ответственности и прагматичного (то есть деидеологизирован-

ного) подхода к соседям. Россия готова к взаимодействию с европейскими прагматиками, одновременно заявляя о своей «естественной» (то есть не требующих внутренних реформ) принадлежности к Европе в силу исторических и географических факторов.

Во-вторых, вероятно, Россия будет объяснять сложности своих отношений с ЕС неэффективностью бюрократических механизмов в Брюсселе, и противопоставлять им традиционную двухстороннюю дипломатию. Однако такой подход не всегда убедителен: двухсторонние отношения РФ со многими членами ЕС (Великобританией, Данией, Чехией, Эстонией, Румынией) остаются весьма конфликтными. У России отсутствует какая бы то ни было политика в отношении долгового кризиса в еврозоне, а также в отношении перспектив расширения ЕС (например, Сербия), что снижает роль России в «большой Европе».

В-третьих, внутри ЕС Германия особенно активно работает на восточном направлении. Но Россия может переоценить готовность Германии строить свою политику, исходя из приоритета двухсторонних договоренностей между Москвой и Берлином. Германия пытается сочетать жесты доброй воли в отношении Москвы с приближением к ЕС стран Восточной Европы. Проявляя внимание к Веймарскому «треугольнику» и признавая особую роль Польши в Восточной Европе, Россия фактически продемонстрировала интерес к соучастию в решении общих проблем соседства. В перспективе такая политика принесет больше пользы, чем попытки выстроить политическую дистанцию с Европой и найти международные приоритеты за пределами Запада.

Кризис и лидерство: «триалог» и Восточная политика

Есть основания полагать, что в свете текущего кризиса еврозоны роль Германии в общей внешней и оборонной политике ЕС будет возрастать. Особая роль Германии внутри ЕС в значительной мере подкрепляется традициями «восточной политики» и содержит в себе как нормативные, так и геополитические элементы.

Многие эксперты активно обсуждают шансы Германии выйти на лидирующие позиции в ЕС в качестве непреднамеренного эффекта кризиса зоны евро. Главным при этом является вопрос о том, на чем может базироваться германское лидерство – будет ли она представлять согласованную позицию группы стран (таких, как, скажем, Польша), или весь ЕС в целом. В любом случае эта предполагаемая гегемония будет носить структурный характер, поскольку не столько сама Германия сознательно и последовательно стремится занять доминирующие позиции в Евросоюзе, сколько сложное сочетание экономических и политических обстоятельств делает возможным более выраженную роль Берлина в решении европейских проблем.

В этих условиях Германия имеет перед собой достаточно широкий выбор ролей и вариантов действия. Она может играть роль державы, успешно завершившей процесс послевоенной «нормализации» и глубоко укорененной в европейские институты, а может усилить свои индивидуальные позиции, в том числе и

благодаря односторонним действиям в отношении недемократических, но экономически важных стран (Россия, Китай, Казахстан, Азербайджан), тем самым превратившись в «торговое государство», сводящее внешнюю политику к получению экономических доходов. Германия может быть спонсором (донором), отвечающим за экономически более слабые страны, или может проводить политику жесткой экономии, тем самым фактически добиваясь вывода слабых экономик за рамки ЕС. Германия может быть лояльным членом транс-атлантического сообщества безопасности, а может предпочесть роль более автономного партнера США и НАТО.

Таким образом, Германия располагает несколькими сценариями и оставляет за собой право развивать собственные стратегии. Во время кризиса германская внешняя политика направлена на расширение пространства новых возможностей и сохраняет открытыми различные варианты внешнеполитического поведения. Один из них связан с германо-польско-российским триалогом. Пока этот политический «треугольник» добился только одного политического результата: в 2010 году Германия выступила лоббистом и посредником в продвижении на уровне Брюсселя российско-польского соглашения о безвизовом режиме поездок для жителей Калининградской области и двух соседних польских воеводств. Это было небольшим прорывом в процессе облегчения визовых правил, но каждая из сторон ожидает большего от этой «политической геометрии». Без сомнений, роль лидера при этом берет на себя Германия, которая заявила, что «триалог» является одним из ее внешнеполитических приоритетов. Этому есть несколько причин.

Во-первых, в инструментарии Евросоюза явно отсутствуют какие бы то ни было четкие инициативы как в отношении России, так и всего пост-советского региона. В ситуациях, когда общие нормативные подходы невозможны, ЕС склоняется к технократическим подходам, в то время как многие его соседи ожидают от Брюсселя той или иной политической позиции. На этом фоне Германия пытается усилить политические компоненты своей восточной политики. В частности, она выражает готовность вести переговоры с Россией по проблемам общего интереса до того, как появится какая-то позиция на уровне ЕС, и приглашает Польшу к участию в этом процессе. Берлин полагает, что это укрепит стабильность как внутри ЕС, так и с точки зрения внешней политики. Сама идея триалого несколько размывает четкость линий, отделяющих «инсайдеров» от «аутсайдеров» и открывает для России дополнительную возможность участия в делах «большой Европы».

Во-вторых, Польша часто жаловалась на то, что Россия и Германия «говорят о нас, но без нас». Своим поощрением триалого Германия подталкивает Польшу играть более важную роль на восточном направлении, что может оказаться весьма полезным для успеха программы Восточного партнерства.

В-третьих, концепция «треугольника» создает основу для поиска решений, полезных для всех трех стран, и, соответственно, для ухода от устаревших пред-

ставлений в духе «игры с нулевой суммой». Вполне вероятно, что не только Варшава, но и Москва сможет в своих интересах воспользоваться растущей ролью Германии в Европе.

В-четвертых, интерес Германии к многосторонней дипломатии объясняется пониманием опасностей односторонних действий. Однако Германия достаточно скептически относится к широким форматам многосторонней дипломатии, которые не отличаются эффективностью. Именно поэтому Берлин ищет более прагматичные формы регионального сотрудничества, особенно в зонах, непосредственно прилегающих к Германии. Исходя из этого, вполне вероятно, что неформальное разграничение между «восточным» и «южным» (средиземноморским) секторами политики соседства могло бы соответствовать германской внешнеполитической стратегии.

Берлин и Москва сходятся в своем интересе развивать прагматичные формы взаимодействия, уходя от политически чувствительных вопросов. В рамках триалога Польша, которая всегда остро реагировала на политические факторы (особенно связанные с историей), предлагается сделать то же самое. Едва ли можно ожидать, что всем остальным странам Центральной Европы понравится идея триалога, однако это не отменяет высокой вероятности того, что будущее отношений между Западом и Востоком в Европе будет совместно конструироваться именно Германией, Польшей и Россией, а не Брюсселем.

Модель «триалога» показывает, что свои лидерские качества в отношении России Германия намерена реализовывать не в одиночку, а в тесной увязке с польскими партнёрами. Для Германии «триалог» – это попытка сочетать собственные интересы (в этой «тройке» Германия является очевидным лидером) с многосторонней дипломатией. Этим Германия отводит от себя обвинения в предпочтении, отдаваемом двухсторонним отношениям с Москвой за счёт интересов своих партнёров по ЕС, и косвенно поддерживает польские намерения играть важнейшую роль в определении политики ЕС на восточном направлении.

Триалог отражает меняющийся характер внешней политики Берлина, которая стремится к поиску вариантов многосторонней дипломатии, включая ее публичный компонент. И хотя некоторые эксперты полагают, что «треугольнику» не хватает «политического момента»²¹, всё же он свидетельствует о двух важнейших изменениях во внешней политике Берлина. Во-первых, Германия тем самым демонстрирует стремление окончательно оставить в прошлом исторические конфликты с Польшей, в известном смысле поддерживая амбиции Варшавы играть роль нового сильного актора в масштабах всего ЕС, особенно а восточном направлении. Попутно Германия послала вполне определённый сигнал Москве о том, что без аналогичной нормализации российско-польских отношений прогресса по линии РФ – ЕС не будет, включая вопросы виз, безопасности и сотруд-

²¹ Guerot U. Germany in Europe: New Europe, New Weimar? // European Council for Foreign Relations. 15 September 2011. http://ecfr.eu/blog/entry/germany_in_europe_new_europe_new_weimar. Последнее посещение: 22 сентября 2013.

ничества по модернизации. Во-вторых, Берлин не намерен в дальнейшем сохранять «особые» отношения с РФ и пытается интегрировать их в структуру общей «восточной» политики ЕС, для чего консенсус с Варшавой имеет важное значение.

Новое германско-польское партнёрство расценивается обеими сторонами как прообраз общей политики ЕС в отношении своих восточных соседей²². Германия отдаёт себе отчет в том, что лидерство предполагает дополнительные риски и издержки, и именно поэтому стремится диверсифицировать свой внешнеполитический инструментарий. Однако сама идея триалога несет в себе несколько существенных проблем. Этот проект фактически означает принятие не столько нормативной, сколько основанной на интересах, модели внешней политики. Триалог, по сути, является новой формой продвижения интересов Германии не только в России, но и во всей Евразии. Однако пока сложно ожидать, что данная модель сотрудничества окажет существенный эффект на решение проблем, существующих на Кавказе, в Черноморском или Каспийском регионах. В частности, отношения с Украиной, вероятнее всего, будут оставаться проблематичными для России, Германии и Польши. С одной стороны, Киев не отказывается от самой идеи европеизации и нуждается в странах, которые могли бы сыграть роль лоббистов Украины в Евросоюзе. Но с другой стороны, украинское правительство имеет основания опасаться того, что Германия и Россия согласуют свои экономические интересы в ущерб украинским (на что, в частности, указывает проект «Северного потока»). Украина часто критикует страны Евросоюза за отказ в однозначной поддержке своих усилий по членству в ЕС и за проведение политики, ориентирующейся преимущественно на Россию. В ответ многие германские эксперты и политики заявляют, что Украина при президенте В. Януковиче сама упустила шанс добиться тесной интеграции с ЕС и испортила свою репутацию судом над Ю. Тимошенко. Характеристика Ангелой Меркель украинского и белорусского режимов как репрессивных и недемократичных означала признание существенных проблем, с которыми сталкивается Германия в своей «восточной политике».

Германия – Россия – Украина

События в Украине совершенно по-разному воспринимаются в Германии и России. В частности, парламентские выборы 2012 года позволили внести некоторую динамику в украино-европейские, но не в украино-российские отношения. Последние как бы застыли на одной точке и в концептуальном плане вперед явно не движутся.

²² Cwiek-Karpowicz J. Polish Foreign Policy Toward its Eastern Neighbors: Is a Close Cooperation with Germany Possible? // DGAPanalyse kompakt. 2011. № 6. <https://dgap.org/en/think-tank/publications/dgapanalyse-compact/polish-foreign-policy-toward-its-eastern-neighbors>. Последнее посещение: 22 сентября 2013.

В чем проявляется новая динамика украино-европейских отношений, если смотреть на них из Германии – ключевой страны ЕС? Во-первых, в высокой степени интереса к выборам со стороны политического и экспертного сообщества, которое является питательной средой и для осмысления состояния двухсторонних отношений, и для выработки новых подходов к этим отношениям. Именно германские эксперты стали инициаторами нового раунда обсуждения вечной темы – о том, что такое «европейский выбор» Украины: ограничивается ли он принятием Украиной целой массы технических и правовых обязательств в рамках переговоров об ассоциации, или же этот выбор должен базироваться на общих ценностных подходах к демократии, правам человека, свободе слова и пр. Именно благодаря интересу германских коллег к обсуждению этих вопросов – при всей их противоречивости – выборы усилили проевропейский дискурс как официального Киева, так и оппозиции. Ничего подобного в отношении осмысления «российского выбора» не наблюдается – разговор на эту тему не инициировала ни Москва, ни тем более Киев.

Во-вторых, внутри самого ЕС происходят процессы переосмысления тех инструментов, которые использовались ранее в отношении Украины. Особенно это касается Германии, многие политики которой летом 2012 года достаточно активно призывали к политическому бойкоту Украины как хозяйки Евро-2012. Эта кампания оказалась мало эффективной и подвергается критике как со стороны Украины, так и со стороны самих немецких коллег: можно сослаться на мнение г-на Хольгера Нойвегера, директора киевского офиса Германского общества международного сотрудничества (GIZ), который в связи с Евро-2012 выразил опасение, что продолжение такой линии приведет к негативным последствиям для самой Германии.

Мне неоднократно приходилось слышать мнение о том, что ЕС теряет интерес к Украине. Этот интерес во многом поддерживается благодаря Германии, которая активно обсуждает ключевой вопрос о том, какая стратегия более верная: «привязка» Украины к ЕС посредством Соглашения об ассоциации, или же продолжение демонстрации несоответствия режима украинской власти европейским стандартам демократии, и форсирования отношений Брюсселя с Молдовой и Грузией в рамках Восточного партнерства. Важным результатом этих дебатов стало то, что в ЕС оформляется фракция политических деятелей, выступающих за последовательность политики ЕС в отношении Украины. В переводе с политического языка на практический это означает продолжение процесса ассоциации, в который было инвестировано так много сил и ресурсов с обеих сторон. Аргументы сторонников этой позиции, к числу которых принадлежат Александр Квасневский, Романо Проди, Гюнтер Ферхойген, Корнелиус Краниг (глава офиса Сименс в Киеве) состоят в следующем:

(а) политический режим в Украине (и украинская политическая идентичность в более широком смысле) сильно отличается от Белоруссии (в чем угадывается скрытая полемика с Ангелой Меркель);

(б) ждать от Украины столь быстрых темпов преобразований, как от стран Центральной Европы, было бы неправильно (Тем не менее нынешнее правительство Украины сделало немало для интеграции в Европу – с правовой точки зрения больше, чем для интеграции в проекты, которые курируются Москвой.);

(в) дело Ю. Тимошенко – неприятность, но европейцы не должны быть более озабочены этим вопросом, чем сами украинцы;

(г) помимо команды В. Януковича, у ЕС есть другие партнеры в Украине – бизнес, гражданские организации, СМИ, городские власти, и пр.;

(д) с точки зрения геоэкономической стратегии, Украина чрезвычайно важна для ЕС в плане глобальной конкуренции на рынках с Россией и Китаем.

Таким образом, для значительной части европейского внешнеполитического сообщества продолжение интеграции Украины в Европу продолжает оставаться приоритетом. Эта группа интересов внутри ЕС начинает действовать ровно так, как В. Путин призывал всегда действовать европейцев – прагматично. Но этот прагматизм означает усиление внутри ЕС голосов тех, кто видит в проектах Евразийского Союза, равно как в деятельности российского бизнеса в Европе, экономическую угрозу для ЕС, и кто готов к конфликту с Москвой по поводу влияния на Украину. Уверен, что для Кремля это – плохие новости, потому что такая ситуация снижает возможности для риторики в стиле «вместе в Европу». Кремль за последние годы сделал несколько шагов, которые можно квалифицировать как само-исключение из европейского нормативного порядка (затягивание модернизационного партнерства, фактический пересмотр Мезебергской инициативы, отказ главы Госдумы Сергея Нарышкина ехать в Страсбург на ПАСЕ и пр.). Политические границы между Россией и ЕС укрепляются, причем именно по инициативе Москвы. А это, без сомнения, плохая новость в том числе и для Украины.

Германия и Россия в Балтийском регионе

Именно на региональном уровне инструменты и механизмы «мягкой силы», играющие важнейшую роль в дипломатии Германии, получают наибольшее развитие, поскольку они оказываются относительно автономными от флуктуаций «высокой политики» и составляют самостоятельный вектор двухстороннего сотрудничества, часто облекаемого – по инициативе Германии – в более комплексные многосторонние форматы. С моей точки зрения, концепция «мягкой силы», реализуемая Германией в Балтийском регионе, позволяет найти точки соприкосновения между нормативными задачами внешней политики и вполне утилитарными целями.

С одной стороны, само внедрение германской деловой культуры оказывает нормативный эффект в виде распространения успешных бизнес-практик и европейских стандартов качества. С другой стороны, реализация проектов гуманитарного, культурного, образовательного и академического профилей способствует формированию общих германо-российских дискурсивных площадок не просто для обмена мнениями, но и для выработки общих подходов к более глубоко-

му пониманию таких ключевых политических концептов, как европеизация, безопасность, границы и т.д. Поскольку в последние несколько лет интерес Москвы к инструментализации идеи «мягкой силы» значительно возрос, было бы правильно начать серьезно анализировать германский опыт в этом отношении и идти по пути формирования общих нормативных пространств, в рамках которых Россия и Германия не конкурировали бы, а дополняли друг друга.

Регионализм и многосторонняя дипломатия

Институционально плотная структура регионального международного общества – та среда, в которой Германия чувствует себя наиболее комфортно, реализуя различные модели многосторонней дипломатии. Многие германские специалисты рассматривают состояние российско-польских (в том числе транс-границных отношений) как фактор, влияющий в том числе и на германскую политику в Балтийском регионе в целом. Так, открытие новых пунктов пересечения границы с Калининградской областью (Мамоново-2) было расценено как важный технический шаг, способствующий пограничному сотрудничеству и интеграционным связям между РФ и ЕС на Балтийском региональном уровне²³.

Вовлечение России на региональном уровне посредством институциональных привязок для Германии имеет огромное значение²⁴. Именно поэтому идея «треугольника» продвигается германским правительством и фондами как на политическом, так и на экспертном уровнях (в частности, можно отметить соответствующие проекты, реализуемый в Потсдамском университете и Германском обществе внешней политики – DGAP). Однако для германо-российского взаимодействия в Балтийском регионе есть несколько существенных препятствий. Роль России в Балтийском регионе пока остаётся неопределённой: она может быть как инкорпорированной в новые форматы «политической геометрии» («треугольник» Германия – Польша – РФ), так и остаться за бортом европейской политики (добро)соседства. Три проблемы при имеют особое значение.

Во-первых, министр иностранных дел РФ заявил, что Россия не намерена участвовать в программной деятельности ЕС в Балтийском регионе²⁵ – то есть, по сути, в реализации тех проектов, к разработке которых приложила руку Германия. Более того, в националистическом сегменте российского дискурса появились идеи о том, что Россия должна взять курс на «реинтеграцию Прибалтики в

²³ Knappe E. Das Gebiet Kaliningrad – ein Außenseiter in der Ostseeregion? // Ost-West: Europäische Perspektiven. 2011. № 12. P. 214.

²⁴ Etzold T. Deutsche Ostseepolitik im Zeichen der europäischen Schuldenkrise // SWP-Aktuell. 2012. № 47. http://www.swp-berlin.org/de/publikationen/swp-aktuell-de/swp-aktuell-detail/article/deutsche_ostseepolitik.html. Последнее посещение: 22 сентября 2013.

²⁵ Лавров С. Интервью // Янтарный мост. 2012. № 3(7). www.mid.ru/bdcomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/320bd35d6111fcd544257a77004c0b75!OpenDocument. Последнее посещение: 28 января 2013.

пост-советское пространство», не опасаясь при этом противодействия НАТО и ЕС²⁶.

Во-вторых, Германия и РФ полагаются на – и используют – разные типы силы. Если Германия полагается на «мягкую силу», то Россия не исключает и фактор жесткой (военной) силы. По словам Штефана Майстера, Москва послала Европе достаточно сигналов для того, чтобы понять, что она считает Калининградскую область не пилотным регионом, а инструментом для влияния на соседей²⁷.

В-третьих, если для Германии Балтийский регион – это один из полигонов многосторонней дипломатии, то для РФ он представляет собой скорее один из способов решать коммерческие вопросы и напрямую взаимодействовать с другими крупными игроками (что ближе к концепции «концерта великих держав», или *great power management*).

Российской дипломатии можно было бы извлечь несколько уроков их двадцатилетнего опыта непосредственного взаимодействия с Германией в формате Балтийского региона. На региональном уровне и непосредственно у своих западных границ Россия встречается с институционально насыщенной средой, в рамках которой упрощенные представления о балансе сил и суверенном равенстве не всегда работают. Зато, наоборот, чрезвычайно востребованными оказываются различные (в том числе и экспериментальные) модели многосторонней дипломатии. Балтийское международное общество гораздо более наглядно, чем другие регионы общего соседства ЕС и РФ, демонстрирует меняющиеся представления о власти и влиянии; при этом именно их «мягкие» формы становятся наиболее действенными и актуальными. Наконец, опыт германской политики в Балтийском регионе свидетельствует о том, что регионостроительство не исключает механизмов лидерства – просто эти механизмы приобретают структурный характер и могут наиболее эффективно реализовываться не в одиночку, а только в формате коллективных действий.

Следование концепции «открытого регионализма», которая имеет большое влияние в Европе, потребует от российской дипломатии большей гибкости для действий в условиях высоко институционализированной, но конкурентной международной среды. От России понадобятся как символическо-дискурсивные, так и институциональные перемены, но только обучение позитивному опыту других стран и приспособление к потребностям соседей может стать противоядием для сокращающегося пространства манёвров российской дипломатии как в отношениях с соседями, так и с ЕС в целом.

²⁶ Александров М. Начнет ли Россия геополитическое наступление в Прибалтике? // Обозреватель – Observer. 2012. № 5. С. 37.

²⁷ Meister S. The Failure of Managed Modernization: The Lack of Legitimacy of Putin's System Will Lead to Growing Conflicts Between Russia and the West // DGAP Standpunkt. 2011. № 14. P. 2-3. <https://dgap.org/en/think-tank/publications/dgapviewpoint/failure-managed-modernization>. Последнее посещение: 28 января 2013.

Вместо заключения: нормальность, реальность и интересы в германо-российских отношениях

Пожалуй, никто не настроен столь критически в отношении внешней политики Германии, чем сами немцы. Многие считают, что у Германии есть только торговая политика, определяемая не столько федеральным канцлером, сколько могущественным Восточным комитетом германской экономики, активно лоббирующим интересы корпоративного бизнеса в Восточной Европе. Именно этим объясняется то, что Берлин в своей *Ostpolitik* часто готов скорее играть свою игру, чем продвигать общеевропейские позиции (если они существуют, конечно). И в этой игре грань между демократическими партнерами и диктаторами стирается, что удручает многих немцев, верящих в силу ценностей и принципов, а не только денег. Германо-российские отношения дают прекрасную иллюстрацию сказанному. В то время как либеральная пресса и значительная часть парламентариев бьет тревогу о том, что путинский режим становится все более и более репрессивным и тем самым, казалось бы, отдаляет себя от Европы, германский бизнес это пока мало заботит.

Данный анализ, по сути, высветил во всем ее многообразии ту дилемму, которая стоит перед германской политикой в отношении России. Эту дилемму можно сформулировать как противоречие между ценностно-ориентированным и прагматичным подходами, о чем в самой Германии написаны горы литературы. В России же, которая – по крайней мере, в своем официальном дискурсе – привыкла воспринимать своих международных партнеров в качестве унитарных субъектов, эта неразрешимая раздвоенность еще слабо концептуализирована.

В центре германских дебатов о России находятся две ключевые концепции – нормальности (нормализации) и реальности (реалистичности). Обе являются «плавающими», то есть легко меняющими свое местоположение в системе внешнеполитического дискурса, что и создает сложности его понимания и прочтения.

В предисловии к недавно вышедшей книге по российско-германским отношениям профессор Клаус Зегберс предположил, что эти отношения возвращаются к «нормальному состоянию»²⁸. Петер Шульце подтвердил, что Россия становится «нормальной европейской страной»²⁹. С этим, вероятно, согласился бы Александр Рар, который недавно утверждал, что «мы развиваем *нормальные* (курсив мой. – А.М.) стратегические и союзнические отношения с Россией как с крупнейшей мировой державой».

Как бы то ни было, нормализация не столько обозначает новые безоблачные горизонты двухсторонних отношений, сколько порождает конфликты – по край-

²⁸ Зегберс К. Предисловие // Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций / Под ред. А. Девяткова и А. Макарычева. Тюмень, 2013. С. 5-6.

²⁹ Шульце П. Россия 2013: необратимый прорыв? // Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций. С. 9-23.

ней мере, интерпретационные. Допустим, озвучивая позицию Кремля, Федор Лукьянов полагает, что «Россия теперь сильное и уверенное в себе государство, и всякое наследие периода, когда ей из слабости приходилось идти на неравноправные отношения и позволять другим указывать на изъяны российского государственного устройства, надлежит искоренить». Продолжая данную логику нормализации, Александр Рар сожалеет о том, что на пути этого процесса стоят склонные к традиционализму группы философствующих интеллектуалов в Европе, особенно в Германии и во Франции, маргинализирующие Россию на основе абстрактного теоретизирования и, якобы, находящиеся в плену стереотипов «холодной войны»³⁰.

Первая проблема здесь состоит в том, что, по сути дела, традиционалистами являются не европейские скептики, а сам В. Путин, который хочет восстановления той структуры отношений, которая существовала в период Холодной войны: торговля – отдельно, политика – отдельно³¹.

Вторая проблема видится в том, что логика нормализации, основанной на традиционалистски понимаемом суверенитете, по сути, приводит к апологии диктатуры. Это наглядно продемонстрировал А. Рар, заявив, что «Президент России может руководить своей страной по-царски, то есть как пожелает»³².

Третья проблема заключается в том, что Россия не воспринимается в Германии как «сильное и уверенное в себе» государство. Некоторые германские эксперты полагают, что Россия – это «государство-рантье, больше похожее на ближневосточные диктатуры, чем на европейские демократии»³³. Даже самые лояльные по отношению к нынешнему режиму германские аналитики уверены, что реакция режима В. Путина на массовые протесты – а именно ужесточение закона о некоммерческих организациях, фактический запрет на иностранное финансирование политической деятельности, репрессивно-административные меры против лидеров оппозиции – может лишь сдержать в какой-то мере развитие событий, но никак его не остановит.

Наконец, четвертая проблема касается того, как видятся национальные интересы Германии в рамках логики нормализации. По словам А. Рара, Путин должен не только создать эффективные основы Евразийского Союза, но и убедить войти в него Украину³⁴. Данное заявление наверняка было бы оспорено в германском МИДе.

³⁰ Rahr A. Russia and Germany: The Cold War Legacy Is Still Hanging Over Heads // The Valdai Discussion Forum. 2012. November 28. <http://valdaiclub.com/europe/52040.html>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

³¹ Лукьянов Ф. Время, назад // Россия в глобальной политике. 2012. 25 сентября, <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Vremya-nazad-15713>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

³² Rahr A. Tasks for Tsar Vladimir // Valdai Discussion Club. 2013. January 18. <http://valdaiclub.com/politics/53820.html>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

³³ Speck U. How Merkel Should Work with Russia // Carnegie Center. 2012. November 23. <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=50118>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

³⁴ Rahr A. Tasks for Tsar Vladimir...

На этом фоне достаточно выигрышно смотрится позиция тех, кто видит саму идею нормализации иначе – как освобождение германской внешней политики от избыточного влияния со стороны Кремля и Газпрома. Многие немецкие аналитики полагают, что 2012 год стал важным водоразделом в политике Берлина в отношении Москвы: заявление Андреаса Шоккенхоффа и последующее за ним заседание Петербургского диалога положили начало новому, гораздо более критическому в отношении режима В. Путина периоду в двухсторонних отношениях. Изображения артисток группы Pussy Riot за решеткой, сопровождающиеся фотографиями В. Путина и А. Меркель, идущими (или смотрящими) в разные стороны – это очень красноречивые образы состояния двухсторонних отношений, широко тиражируемые германскими СМИ и новыми социальными медиа.

Такая точка зрения, очевидным образом базирующаяся на признании России страной, отклоняющейся от европейских стандартов демократии и надлежащего управления, распространена далеко за пределами Германии. Так, Лилия Шевцова и Дэвид Крамер полагают, что единогласное принятие в Бундестаге резолюции, осуждающей путинский режим, представляет собой «первую попытку освободить Германию от удушающих отношений с Кремлем и таким образом восстановить уважение к германскому правительству... Пособничество путинскому режиму должно быть закончено... Новая политика Германии в отношении России может стать не только тестом на способность Германии реализовывать нормативную политику, но и моделью германского лидерства»³⁵ в Большой Европе.

Другой общей темой германского дискурса в отношении России является констатация смыслового разрыва между ожиданиями элиты и *реальностью*³⁶. Обвинения сторонников ценностного подхода в отрыве от реальности и предложения к ней вернуться стали общим местом в дискурсах обеих стран. Однако выясняется, что у каждого типа дискурса – своя реальность. Сторонники сохранения с Россией максимально тесных и столь же максимально независимых от политических конфликтов торгово-предпринимательских контактов полагают, что реальность – это экономический императив. В более радикальной версии эта реальность предполагает понимание необходимости сотрудничества с авторитарными режимами как экономически, так и политически³⁷. А. Пар добавил бы к этому, что «в Сибири находятся запасы ресурсов, которые нам обязательно понадобятся».

³⁵ Shevtsova L., Kramer D. Germany and Russia: The End of Ostpolitik // The American Interest. 2012. 13 November. <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=1344>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

³⁶ Fix L. Zeitenwende in der deutschen Russlandpolitik // Diplomatisches Magazin. 2013. № 1. <http://www.diplomatisches-magazin.de/international-relations-01-2013-de/A2/>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

³⁷ Lau J. Die deutsche Liebe zu den Diktatoren // Die Zeit. 2013. February 21. http://blog.zeit.de/joerglau/2013/02/21/schurken-die-wir-brauchen_5889. Последнее посещение: 30 марта 2013.

ся»³⁸ – характерное заявление, отражающее ключевой смысл русофильской позиции в Германии.

Оппоненты же утверждают, что сегодняшняя реальность – это провал попыток модернизировать Россию при нынешнем режиме ее власти. В более жесткой формулировке эта реальность предполагает признание невозможности извне изменить Россию. Другие реалисты к этому добавляют, что Германия находится под постоянным прицелом Службы Внешней Разведки, агенты которой занимаются здесь интенсивной деятельностью³⁹, слабо совместимой с духом партнерских отношений.

Исходя из сказанного выше, в чем состоит динамика этих оппонирующих друг другу взглядов внутри внешнеполитической элиты Германии? Меняются ли каким-то образом представления Германии о своих интересах? С одной стороны, в Германии существует понимание того, что формула «изменения через торговлю» (*Wandel durch Handel*) для взаимоотношений с Кремлем не носит универсального характера. Из этого следует фундаментальный вопрос: любое ли взаимодействие идет на благо германским интересам? Знаков сближения позиций Москвы и Берлина за последние годы практически не поступало. Некоторые близкие к Кремлю эксперты не скрывают, что в качестве ответной меры за попытку обанкротить Кипр правительство РФ может заморозить счета германских компаний в России⁴⁰. В немецкой прессе фигурировала информация и о том, что Кремль мог угрожать перекрыть поставки энергоресурсов в Германию, если по Кипру будет принято решение, не удовлетворяющее Москву⁴¹. Такие эпизоды двухсторонних отношений вряд ли можно назвать партнерскими.

При этом становится очевидным, что автономия бизнеса от политики тоже является ограниченной и очень условной. Есть множество свидетельств недовольства условиями ведения дел в России в среде германского бизнеса⁴², многих представителей которого деловой климат в России явно не устраивает⁴³. Германский бизнес испытывает на себе усиливающееся давление сторонников занятия

³⁸ Rahr A. Deutschlands Ostpolitik hat die Balance verloren // *Der Spiegel*. 2013. March 18. <http://www.spiegel.de/politik/ausland/alexander-rahr-deutschlands-ostpolitik-hat-die-balance-verloren-a-889270.html>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

³⁹ Müller U., Nagel L.-M., Smirnowa J. Deutschland im Visier von Moskaus Agenten // *Die Zeit*. 2013. February 10. <http://www.welt.de/politik/deutschland/article113505450/Deutschland-im-Visier-von-Moskaus-Agenten.html>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

⁴⁰ Elder M., Harding L. Cyprus Bailout Threatens Germany's Special Relations with Russia // *The Guardian*. 2013. March 29. <http://www.guardian.co.uk/world/2013/mar/29/cyprus-bailout-germany-russia-relationship>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

⁴¹ Spillius A. Angela Merkel Could Be Playing into Russia's Hands on Cyprus Bailout // *The Telegraph*. 2013. March 19. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/cyprus/9939803/Angela-Merkel-could-be-playing-into-Russias-hands-on-Cyprus-bailout.html>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

⁴² Dickstein D. et al. Promising but Perilous: German Firms Put off by Russian Corruption // *Der Spiegel*. 2013. April 3. <http://www.spiegel.de/international/europe/german-investors-discouraged-by-corruption-in-russia-a-892043.html>. Последнее посещение: 30 августа 2013.

⁴³ Schroeder H.-H. Russia – Germany: Current Realities and Prospects // *Valdai Discussion Club*. 2013. April 4. <http://valdaiclub.com/europe/57100.html>. Последнее посещение: 30 августа 2013.

более активной позиции в России: «Германские промышленники должны быть заинтересованы не только в порицании коррупции, но и принятии мер для предотвращения быстро деградирующей экологической ситуации в России, медицинского обслуживания и снижения уровня жизни. Даже высокомерным инвесторам должно быть понятно, как эти проблемы связаны с их интересами»⁴⁴.

С другой стороны, на официальном уровне германское правительство ставит своей целью не рассориться с Кремлем. Именно ради этого оно сняло свои прежние возражения относительно того, чтобы обладатели служебных паспортов получили право безвизового въезда в ЕС, что вызвало критическую реакцию Украины, Грузии и Балтийских стран⁴⁵. Характерной является позиция Министерства иностранных дел ФРГ при принятии упоминавшейся резолюции по России в Бундестаге, которую ее инициатор А. Шоккенхофф назвал «приглашением России к более тесному сотрудничеству»⁴⁶: дипломаты решили сгладить острые углы и внесли в начало текста дежурную фразу о России как о «центральном и незаменимом партнере Германии и Европе» и «важнейшем поставщике энергоносителей». В предложении о том, что Германия «сильно заинтересована в политически и экономически современной, демократически устроенной России», они сочли излишними слова о демократии. А констатация того, что «государственная власть видит в политически активных гражданах не партнеров, а противников», была, как и некоторые другие особо критичные пассажи, и вовсе изъята⁴⁷.

Картина, складывающаяся в итоге, получается весьма пестрой. Как выясняется на примере германо-российских отношений, политика не обязательно является «концентрированным выражением экономики». Весьма интенсивные финансово-предпринимательские связи между двумя странами отнюдь не автоматически улучшают состояние политических отношений. Ясно одно: никакие инвестиции в Германию, включая вложения в улучшение образа России в этой стране, не дают ни имиджевого, ни политического эффекта. Россия продолжает оставаться страной, чрезвычайно далекой от Германии с точки зрения делового климата и доминирующих социальных тенденций. Просто те, кто работает с российскими партнерами, вынуждены закрывать на это глаза. Но германскому деловому сообществу становится все сложнее защищать свою позицию внутри своей страны, где она все более резко критикуется за беспринципность. В условиях резко усилившихся анти-кремлевских настроений в обществе германский бизнес, ве-

⁴⁴ Dempsey J. Merkel Should Enlist Industry's Help with Russia // Carnegie Center. 2013. April 4. <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=51410>. Последнее посещение: 30 августа 2013.

⁴⁵ Pop V. German Wants EU visa-free travel for Russian officials // EU Observer. 2013. March 6. <http://euobserver.com/foreign/119304>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

⁴⁶ Шоккенхофф А. Россия рискует остаться в изоляции // Deutsche Welle. December 2012. <http://www.dw.de/андреас-шоккенхофф-россия-рискует-оказаться-в-изоляции/a-16472903>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

⁴⁷ Жолквер Н. Немецкие депутаты раскритиковали отношение Кремля к гражданскому обществу // Deutsche Welle. 2012. November 9. <http://www.dw.de/немецкие-депутаты-раскритиковали-отношение-кремля-к-гражданскому-обществу/a-16369140>. Последнее посещение: 30 марта 2013.

роятно, вынужден будет усилить пиар-составляющую своей работы на восточном направлении. Развивать проекты с политически проблемной и не очень популярной страной – весьма дорогое удовольствие. Немцы – одни из немногих в Европе, кто пока может себе это позволить.